

АНДРЕЙ ДРАГУНОВ

ЗАВОДЬ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Андрей Драгунов

Заводь. Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25015461

ISBN 9785448548338

Аннотация

Благодарен Евгению Примакову и «Русской гуманитарной миссии» за помощь, оказанную при написании книги. Всегда появляется человек, которому ты становишься небезразличен... и у происходящего находятся для тебя новые подробности.

Содержание

«В комнате, рассчитанной на одного человека, на одно дыхание...»	6
«Сегодня дождь немножечко другой ...»	8
Май, 2017 года	10
«Между сном и явью – тумбочка и кровать...»	12
«Вспененная ветром с утра река...»	14
Гостиница	16
«Чемодан – не повод куда-то ехать...»	17
«...и никто ничего не хотел сказать...»	18
«Играет джаз!...»	19
«...и мы опять сойдём с тобой с ума...»	20
«Соловей заливается, будто бы в первый раз...»	21
«Ракушка рассыпается, как халва...»	23
«Старый и пьяный сторож у входа в дом...»	24
«Спустя пять лет ты спросишь обо мне...»	25
Осип Мандельштам	26
«Чешуя по всей пристани, вывернутое нутро ...»	27
«Когда у смерти нет других причин ...»	28
Слова	31
«Май на исходе. Медленно июнь...»	33
Отрывок	34
«Зрение, после дождя, находит только пропажу...»	36

«Из списка мест, куда я ни ногой ...»	37
«Из-под балкона вынырнувший подъезд ...»	39
«Пройти по длинным коридорам дома...»	40
«Раньше сюда приходили поставить свечку...»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Заводь Стихотворения

Андрей Драгунов

*Заводь – небольшой залив, часть реки (или озера)
около берега, с замедленным течением
Словарь русского языка*

Памяти отца и деда

© Андрей Драгунов, 2017

ISBN 978-5-4485-4833-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«В комнате, рассчитанной на одного человека, на одно дыхание...»

В комнате, рассчитанной на одного человека, на одно дыхание...

ещё помещаются – книги, картины... ваза,
в которой вместо букета – только название,
высохшее не за долгое время, а сразу,
как было сорвано и оставлено без присмотра,
без наблюдения со стороны хозяина,
без соучастия – хоть кого-то... Кого-то!
Теперь существует – высушено-неприкаянно...
как – почти – рисунок – без указания автора...
даже время суток теряется мелкой россыпью —
в пересечениях линий... трактором —
перепахать бы... но это осенью,
где букетик – точно – засохший – умерший —
шепелявит листьями про бессмертие...
тысячелистник, багульник, сумеречник —
папоротник – надежда тысячелетия...
В комнате – между кроватью и форточкой —
помещаются домыслы и сомнения
в сочетании с бредом – широким росчерком —
по разлинованному волнению...

то есть – в тетради – корявым почерком —
не в документе, где фотография —
прошлого – выверенного – бессрочного,
с указанием даты и рода занятия...

В комнате – в двух шагах от вечности —
доказательства, собранные на одном дыхании —
существования... порознь, вместе ли —
выглядит, как – почти признание.

май 18—19. 2017 год

«Сегодня дождь немножечко другой ...»

Сегодня дождь немножечко другой —
не тот, что был вчера или во вторник,
девятого... а обещали — зной...
но деньги спёр какой-то уголовник
на собственные нужды. Облака
старательно расчерчивают небо
в границах, обозначенных — пока!..
Пока никто не спрашивает — Где мы?..
Метеоролог беспробудно пьёт —
на вырученные деньги — за погоду...
За стенкой кто-то, кажется, поёт —
не про любовь — про новую свободу,
про новые на небе облака —
Валерий Ободзинский — в прошлой жизни...
или Муслим... о, вечная тоска —
по временам, где от полёта мысли —
стучало сердце... Бесконечный дождь...
Баба Яга, избушка — к лесу задом —
кого ещё — по памяти найдёшь
в такое время... Надо ли?.. А — надо!.. —
скрести асфальт — подобием дождя —
ботинками, что не пропасть, как капли,
не высохнуть... но без дождя нельзя!

Глаз теребит пространство неба – так ли,
как надобно?.. Сосчитанная дрожь —
покапельная – дворнику на радость,
поскольку пыль со стоптанных подошв —
не поднимается, а с капельками рядом.

май 19. 2017 год

Май, 2017 года

Не замерзающая никогда Адриатика.
Кафе на набережной. Остывающий кофе —
под крики чаек... и голубей одинаково —
хлопанье... официант посуду уносит,
оставляя скучающего человека
один на один с изображением города...
с какой-то возможностью — не переплыть, не уехать —
ни восвояси... ни в любую другую сторону,
откуда потом — воспоминаниями и письмами —
только — разрозненные фрагменты,
которые никакой бухгалтер не вычислит
при оформлении пожизненной ренты —
почти завещания — на одного заявленного...
без указания срока действия
данной бумаги... Адриатика окровавлено —
на закате — определяет последствия...
и границы разумного в пределах воды и острова,
согласуясь с прогнозами метеостанции...
лодочник отчаянно перебирает вёслами —
лодка по ватерлинию загружена иностранцами —
любопытными зрителями... и подарками
...и никто не знает откуда сегодня ветер —
ловко лавирует под мостами, под арками...
никогда не знаешь — что у него на примете,

то есть – что им движет, куда он, в какую сторону...
Человек на набережной достаёт из кармана граппу...
над головой его – чайки – ещё не вороны
и не его поклажу несут по трапу —
на другую сторону описанной Адриатики,
где уже родители и некоторые другие родственники...
Чайка на парашюте смотрит внимательно
и чешуёй расплачивается за кофе – зимой – не осенью.

май 21. 2017 год

«Между сном и явью – тумбочка и кровать...»

Между сном и явью – тумбочка и кровать,
ещё этажерка из бабушкиной квартиры,
старая Библия, которую прочитать
не успел до конца... соседка Ира,
или Земфира – тревожит сон...
Вытопанный половик в коридоре.
Человек – без имени – медленно в унисон —
между сном и явью – участвует в разговоре...
перебирает недлинно сказанные слова —
почти неслышно, немислимо, как по книге,
произносит вслух – всё то, в чём была права
сама история, минус – уже – интриги...
и какие-то домыслы. Утренний крепкий сон,
мелко промолотый, выщеженный сквозь сито,
точно петунии на выделенный газон,
рядом с которым для свежей воды корыто...
и никакого вымысла – только явь —
туберкулёзная – в язвах поверх дыхания,
как впечатление, которое – лишь представь,
и обнаружится – сразу – к нему название,
как из учебника – вычитанная глава —
поверх рассказанного, но – ни уму, ни сердцу...
май на исходе, а во дворе дрова

напоминают о том, что ещё согреться —
вдруг пригодится... и тучи над головой,
как подтверждение, что и вода из крана —
не проливается – просто – сама собой
между кроватью и тумбочкой... Как ни странно!

май 21. 2017 год

«Вспененная ветром с утра река...»

Вспененная ветром с утра река
продлевает голос, но портит зрение —
белой полоской, что так!.. — близка,
а сердечный приступ грозит забвеньем,
или бессонницей, так как ночь —
лучшее время считать убытки...
ибо когда-то — ни сын, ни дочь
не пережили второй попытки...
и возвращаются лишь во сне,
смерив пространство тяжёлым взглядом...
Вспомнит ли Мать о своём Христе —
после того, как Он был не рядом
целую вечность. Учебный год,
или учётный, включая муки...
и не возделанный огород —
после бессрочной с роднёй разлуки
и переезда... в холодный дом.
Вспомнит ли руки его... А — руки!
Кто там стоит под твоим окном —
не отягчённый виной разлуки?..
Длинная, как в реке вода —
речь утопающего про помощь,
про оставление, как всегда!.. —
длительное, хоть — в обед, хоть — в полночь,

ибо – пока золотит луна —
воду – никто не расскажет правду...
И всё случившееся – сполна —
станет историей – сразу. Сразу!

май 21. 2017 год

Гостиница

Вычёркиваю жизнь, как год назад,
когда в отдельном номере ждал смерти,
или тебя... Дожливый Волгоград
был распечатан, как письмо в конверте,
мои присутствием... До первого глотка
холодной водки – всё казалось правдой,
но друг сказал, что жизнь – не коротка...
тетрадка с ручкой оказались рядом —
и всё закончилось... Май – месяц добрых дел —
я переехал, ты осталась с мамой...
Казалось бы – всё так, как я хотел...
но волгоградский дождь, как телеграмма,
отстукивает... Я в свой телескоп
разглядываю твой далёкий берег —
сам Одиссей бы различить не смог
в той части света непотребный север,
или его окрестности... следы —
не различимы, как твоя улыбка...
Любимая, прости – я – только – ты...
и в этом, видимо, была моя ошибка.

май 22. 2017 год

«Чемодан – не повод куда-то ехать...»

Чемодан – не повод куда-то ехать.
Сложишь рубашки – и снова смяты...
как какие-то тряпки... Земные вехи —
так несуразны и непонятны,
будто бы это – какой-то умысел,
вымысел, бред, или просто – нелепица...
Дождь непрерывно коверкает улицу,
где фонари – даже – больше не светятся...
только зрачки обесточенных лампочек,
только пустые трамвайные борозды...
и без влюблённых садовые лавочки...
может быть – рано, а может быть – поздно им!
В этом весь смысл пустого отчаянья —
смятые простыни, пододеяльники...
без чемодана карета отчалила —
скорая помощь увозит печальника.

май 22. 2017 год

«...и никто ничего не хотел сказать...»

...и никто ничего не хотел сказать,
так как молчание — тоже слово —
веское... важное, твою мать!.. —
ибо пока не найти другого —
высказанного!.. — чтобы понять, простить
или, по крайней мере — услышать...
чтобы старуха сплела свою нить —
вязкими пальцами... шёпотом, тише —
от посторонних, кого спасти —
вряд ли удастся — короткие ночи...
разве что спрятать — опять — в горсти —
до воскресения — так, между прочим —
сказанным, чтобы, избави Бог!.. —
не получилось, как раньше, с Сыном...
Вот тебе, миленький мой, порог...
вот тебе крест... вот тебе осина.

май 22. 2017 год

«Играет джаз!..»

Играет джаз!
Пустой каприз.
Второй этаж —
не вверх, а вниз...
Наигрывает чёрный Чарльз,
как будто бы в последний раз...
меж клавишами спёртый крик —
Прости старик!

май 22. 2017 год

«...и мы опять сойдём с тобой с ума...»

...и мы опять сойдём с тобой с ума,
чтобы ещё на месяц не расстаться...
в пределах комнаты. Трамвай, кровать, сума
и крики провожающих со станции,
и перебой натруженных колёс —
под пересчёт молчащих светофоров...
и шёпотом не заданный вопрос —
в который раз, теперь уже — в который...
чтобы не знать неправильный ответ,
и не страдать потом в непониманье —
от сказанного. Вымолвленный бред —
в двух-трёх словах — не добавляет знание...
тем более в пять пятьдесят утра,
когда у времени последняя возможность —
оставить всё, как есть... крик со двора —
отчаянный... и потому не сложный.

май 23. 2017 год

«Соловей заливается, будто бы в первый раз...»

Соловей заливается, будто бы в первый раз,
у меня за окном, где-то в лесу напротив...
спетая песня – восторженная – сейчас —
точно «винил» прославленного Паваротти —
сквозь шипение листьев... Яичница на плите,
лай соседской собаки, соседский же громкий голос —
не воспетая в песне женщина – тень в реке —
говорит на кухне про чью-то болезнь и совесть,
но неразборчиво. Громче собачий лай.
Простыни хлопают – сушатся на балконе,
будто оркестру кто-то сказал – Играй!.. —
но дирижёр отсутствует. Кто-то стонет,
но не понятно только – с какой стороны —
песнь соловьиная перебивает стоны
вкупе с собачим лаем... Слова длинные,
но бесполезны кухонные разговоры —
под перешип яичницы и листвы —
как говорлив пейзаж за оконным краем...
как бесконечны крашенные стволы —
белой извёсткой... С облаком – не сличаем —
этот пейзаж за выкрашенным окном,
ибо – всегда на месте – ни строчки мимо —
держится длинной ниткой за мой балкон

и не торопится больше стать пилигримом —
переселенцем из этих знакомых мест...
видишь, порой, заснеженную дорогу
и понимаешь, что навсегда ты здесь —
слушать пластинку утреннюю – от Бога!

май 23. 2017 год

«Ракушка рассыпается, как халва...»

Ракушка рассыпается, как халва,
в скрюченных пальцах — только её осколки —
грязные стёклышки прошлого — сквозь слова
воспоминаний... Тонкие, хрупкие, ломкие.
Ссыпанные, бесформенные — на дно —
мелкой ладони — в складки недлинной жизни...
Выглядит всё бессмысленно и смешно —
окаменевшие тысячелетия — мимо,
не приходя в сознание... Сад камней,
вырубленных деревьев, глухих заборов...
Будет ли время вспомнить ещё о ней,
той, которая рядом была, которой —
не безразличны ракушка и халва,
текст из учебника про торжество прогресса
и... недоверие к жизни, что так мала,
не различима — долго — из этого места...
Рядом с ракушкой выбеленный песок —
мелкое время, высыпанное на берег...
с косточкой рыбьей, свой пережившей срок —
дольше обычного — в это никто не верил.

май 24. 2017 год

«Старый и пьяный сторож у входа в дом...»

Старый и пьяный сторож у входа в дом,
в мятой рубашке, в брюках не по размеру —
пробует что-нибудь мне рассказать о том,
кто не вернулся ночью, как я, к примеру...
и говорит так долго — уже светло,
и облака все сдали ночную смену...
из дома напротив пахнет уже молоком...
новые школьники ищут себе замену —
для выпускного вечера... Школьный бал —
как вариант счастливого — в прошлом — детства...
красные шарики и пузырьков бокал,
и предложение... в школьном саду раздеться,
чтобы стать взрослым и выпустить первый пар,
как через форточку выдохнуть сигарету...
Это ли вечером думал, когда искал
путь — через улицу к дому — в обнимку с ветром!

май 25. 2017 год

«Спустя пять лет ты спросишь обо мне...»

Спустя пять лет ты спросишь обо мне
и, может быть, что кто-нибудь ответит
о том, кто жил здесь раньше – в тишине,
кто счастлив был – ещё на этом свете,
среди других, таких же, как и он —
на фоне ускользающих деревьев
в границах неба... Берег, стадион
и в книжечке расписанное время
чернильной ручкой... и ни он, ни ты —
уже не вправе исправлять ошибки,
тем более – разглаживать черты
того, кто шьёт портрет суровой ниткой
поверх морщин... Ты спросишь обо мне
и, видимо, какой-нибудь свидетель
всё предоставит – письменно – тебе...
и ты узнаешь – кто за что в ответе.

май 25. 2017 год

Осип Мандельштам

Это люди пришли... Воронок где-то в тридцать седьмом,
или в тридцать восьмом – задыхается собственной
гарью —

у подъезда, в Савёлово, где новоявленный дом...

и корзинка увязана – с хлебом, вином и... печалью.

Это призраки прошлого – сквозь нерассказанный сон,
сквозь страницы из книги с пометками красного цвета,
это взгляд пешехода за тёмным от сажи стеклом,
это бабочка в форточку бьётся – плохая примета...

Это всё, что не сказано – прячется где-то внутри —
от случайного взгляда, от рук типографских рабочих,
что плетут отпечатки, как ты свои мысли... свои,
говоря только то, что никто не поймёт – между прочим.

Это шум уходящего времени. Это любовь...

неслучайная встреча, когда нет надежды на встречу.

Это то, что и смерть не отнимет за пригоршню слов...

Это тридцать седьмой, или тридцать восьмой... тихий
вечер.

май 26. 2017 год

«Чешуя по всей пристани, вывернутое нутро ...»

Чешуя по всей пристани, вывернутое нутро —
карпа, сазана, селёдки... Крюки и сети...
и никакой возможности лечь на дно,
ибо — коты за это теперь в ответе...
и дожидаются только, когда улов
распределят и выделяют часть добычи
ту, в которой больше — пустых голов...
и плавников — чем было для них обычно...
и потому все утренние коты,
чтобы поесть — стараются быть поближе —
к осуществлению детской своей мечты —
на берегу, а не где-нибудь там, в Париже,
или Венеции... Сети — на свежем ветру —
до следующей ночи, до следующего улова...
кошки все серы и ветер в свою дуду —
до потемнения, не говоря ни слова.

май 28. 2017 год

«Когда у смерти нет других причин ...»

Когда у смерти нет других причин —
она решает, что ты — просто — старый...
и умер от количества морщин —
не от болезни или перегара
в автобусе... Бессмертная душа —
трагедия — не жизни — перевода —
в другую ипостась, где не спешат
придать огласке смысл разговора —
подробности... и медленная речь
не оставляет шансов очевидцу
происходящего — в другую землю лечь,
бессмысленно разглядывая лица —
кому при жизни не успел сказать
и пары слов... Бессрочное молчанье,
как дополнение к словам — ни дать, ни взять...
плюс ко всему — неровное дыхание —
проблемы с сердцем, что ещё пока —
отстукивает Богу телеграммы,
но ждёт уже последнего звонка —
с той стороны пустой оконной рамы,
в которой, даже для приличия, стекло —
не предусмотрено... так — только занавеска —
на гвоздиках — банально и смешно,

но – и она не двигается с места...
Не шевелится, как в реке вода.
не продлевает в право или в лево —
остаток жизни, так как никогда
не покидает данного предела...
морщинится, как старое лицо —
окно не расставляет ударенья,
когда ты наблюдаешь сквозь него,
а только продлевает те мгновенья,
когда глядишь – на всё – во все глаза,
стараясь распознать изнанку куртки...
или плаща... Как кто-то там сказал,
что жизнь подобна старой, глупой шутке!.. —
не более того, но – не судьба,
которой достаёт ума – не сгинуть —
за занавеской, чтобы всё сполна —
в лицо уже, а не случайно в спину,
когда дыхание и напряжённый слух,
как дерево в саду ждут одобренья —
садовника, чей взгляд уже потух...
и глаз слезу не давит – с огорченьем —
по поводу кончины старика —
он просто умер из-за длинной жизни,
когда истёрлась дряблая рука
и линии срослись, к полёту мысли
добавив – только – выверенный срок.
Не более того!.. – ни дня без строчке —
в амбарной книге, где длиннее строк —
лишь даты – без особых полномочий...

Без продолжения. Без вариантов дней,
когда всё кажется, а не на самом деле...
когда и тень твоя чуть-чуть – длинней —
заботится уже о новой цели.

май 29. 2017 год

Слова

Из кусочков сотканное одеяло —
крупной строчкой поверх рисунка —
точно рельсами поверх вокзала —
в направлении почтальона с пастушьей сумкой...
в сторону почты, откуда письма —
голубиной стаей – до адресата —
к месту скопления глупых мыслей
под охраной сторожа или солдата,
или то и другое... Лоскутный остров,
вымеренный до сантиметра – в профиль...
до последней складки песчаной, просто
став лицом с искажённой бровью,
то есть – портретом – на фоне неба —
простыни в облачных складках ночи...
невероятно, но где бы ты не был —
мерный лоскутик к пейзажу пристрочен,
как к запотевшему зеркалу листик
с напоминанием – не про работу,
так – не забытые с вечера мысли —
просто слова... или имя кого-то,
кто, как и ты за ветвистый рисунок —
строчки чернильной – коня и полцарства...
чтобы однажды – холодной и лунной
ночью – согреться, услышав вдруг – Здравствуй.

май 31. 2017 год

«Май на исходе. Медленно июнь...»

Май на исходе. Медленно июнь
вползает в дом. не раздвигая шторы —
дыханием — сквозь шёлковую тюль —
через него!.. — с растительным узором
по всей длине... и комариный гул
в ночное время — громче самолёта
над городом, что вечером уснул,
став лёгкою мишенью для кого-то —
в борьбе за воздух, что — горяч, тягуч...
медлителен, как после спячки муха —
в оконной раме — в обрамленье туч...
и звук, не различаемый для слуха —
в начале лета. Никогда ещё —
так холодно — до самого июня...
и, видимо, синоптика просчёт —
ещё аукнется... но это позже будет.

май 31. 2017 год

Отрывок

Суровый камень, вдавленный в песок,
коричневый, холодный безымянный...
с какой-то надписью – из прошлого кусок...
стеклянный, оловянный, деревянный...
Бессмысленный, даже когда вода
оттачивает острые границы —
между песком и камнем, иногда
давая шанс им ненадолго слиться
и стать – одним... как ранее, когда
никто не спрашивал – откуда этот камень...
откуда в кране тёплая вода
и почему – так краткосрочна память!..
и время – только до шести утра —
не далее... состарившийся вечер...
и ласточки – всегда – пора, пора —
не как-нибудь, а именно – навстречу.
Глаза в глаза... Недолгий перелёт —
от берега до первого балкона
с покатою крышей, где уже живёт
другая ласточка, сбежавшая со склона —
во избежание бесчисленных потерь —
во время наводнения и позже,
когда – без разницы – тогда или теперь —
пустые гнёзда и немые звёзды...

и камень вдавленный в бесчувственный песок —
не более, чем продолжение списка,
где имена – чуть-чуть – наискосок,
чтобы не стать бухгалтерской запиской.

июнь 1. 2017 год

«Зрение, после дождя, находит только пропажу...»

Зрение, после дождя, находит только пропажу.
видимо – ради этого всё и было...
то есть, вполне возможно, что часть пейзажа —
была готова, чтобы её размыло,
увековечив тем самым пустое место,
откуда не то, что птицы – ветвистый шорох...
всё – в одночасье – вместе с водой исчезло,
освободив от лишнего этот город...
с тополиным пухом. Глаз тербит деревья,
перебирает ветвистый немой рисунок —
на фоне облака, что коротает время
после дождя, уткнувшись в печальный сумрак.
Ночью все кошки тёмно-мышинного цвета —
глаз различает только пустое место...
и иногда полоску дневного света,
но это чуть позже – ближе уже к рассвету,
то есть когда – другой – по составу воздух...
и никого, кто мог бы отвлечь вниманье,
видимо – так и было, когда был создан —
весь этот мир – после дождя – дыханьем.

«Из списка мест, куда я ни ногой ...»

Из списка мест, куда я ни ногой —
не исчезает улица, где вырос,
куда второй раз — только на покой,
чтобы, в конце концов, действительно — всё сбылось
или сбылось — словесная игра —
не на площадке детской перед домом,
а где-то рядом, где кричит — Пора —
какая-то старушка в незнакомом
цветном халате... но не говорит —
куда пора и как к ней обращаться...
Луна, меж тем, торжественно горит,
давая шанс неспящим домочадцам —
хоть что-то в длинном списке разглядеть
и распознать какое-нибудь имя —
знакомое не полностью — на треть —
пока луна не занята другими,
такими же, кто, как и я — не спит,
чернилами распарывая время,
пока луна, как солнышко, висит,
не раздражая спящие деревья —
свечением... Из каждого угла
выглядывает кто-то осторожный,
кто тоже шепчет мне — Пора, пора...

но не разборчиво... Колеблется треножник,
как – твою мать – в озвученной тиши...
Глаза глядят, почти не различая
всё то, что днём увидеть – не спешил,
о чём потом – жалеть, того не зная,
не отличая вечер ото дня,
слова от вымысла, обложку от страницы
с каким-то текстом, помнящим меня...
журавль в небе – не в руке синица —
тревожная... или сплошная тень —
от сказанного – воробей на ветке...
Глухой старик, преодолая лень,
встаёт, кряхтя, со старой табуретки.

июнь 3. 2017 год

«Из-под балкона вынырнувший подъезд ...»

Из-под балкона вынырнувший подъезд —
ориентир глухому соседу сверху,
чтобы дойти до дома — из дальних мест,
не опоздав на утреннюю поверку...
Не говоря ни слова — летит душа
из-под балкона — к облаку, что на крыше,
чтобы увидеть — как бесконца спешат
ходики — только когда их никто не слышит...
да, и не видит — с балкона не тот обзор.
Если бы сверху!.. — не позволяет зреньё —
перемещение по вертикали — вздор —
в этом весь смысл... плюс ко всему — терпенье,
то есть — незнание — как не сойти с ума!
Происходящее — лишь добавляет речи,
то есть — к пейзажу — озвученные слова,
что говорит мне тот, кто идёт навстречу...
из-под балкона... по плоскости. Пыль и свет.
Тонкая россыпь капель — из-под балкона...
и никого, кто дал бы простой ответ —
не из-за страха — чтоб избежать урона.

«Пройти по длинным коридорам дома...»

Пройти по длинным коридорам дома,
ни с кем не встретившись... Вдохнуть холодный воздух
из форточки – после ночного шторма,
стать призраком и... возродиться – после —
ником не узнанным. Стать неодоушевлённым.
Быть частью коридора или дома...
бумагой в пиш. машинке – запылённой,
забытой автором в процессе разговора...
ненужной частью утреннего мира,
ничтожным существом в границах света,
где есть пространство – коридор, квартира —
знакомая по пыли и приметам
старения. Безоблачное небо
из-за окна разглядывает сумрак,
который здесь, внутри, не за пределом —
божественного, сказанного в сумме...
Озвученного, как бы – из-за шторы,
где прячутся все призраки и дети,
играя в прятки, сразу после школы,
когда учитель больше не в ответе
за их существование... Художник
расчёркивает новую страницу
и пробует насытиться – безбожник —

не журавлём, а маленькой синицей...
чтобы ещё раз насладиться утром —
сквозь форточку – холодным – по сезону,
когда синоптик врёт ежеминутно
про торжество природы – по закону,
но не по совести... Мели, мели, Емеля!.. —
сжигай мосты. гуляй напропалую...
Сегодня вторник – раньше – понедельник...
и в коридоре кот – один – тоскует.

июнь 6. 2017 год

«Раньше сюда приходили поставить свечку...»

Раньше сюда приходили поставить свечку...
теперь чтобы слить остатки дрянного пива,
смыть со стены потерянную овечку,
в кофточку всунуть всё то, что когда-то было.
Раньше гуляли парами и при свете,
чтоб, ни дай Бог, соседи не ткнули пальцем...
Раньше рыбак чинил после шторма сети —
нынче латает лодку для постояльцев
частной гостиницы — недалеко от дома...
и никому нет дела до длинных мыслей
о происходящем, тем более — всё знакомо
и... неизменно — в формате текущей жизни.
Раньше никто не спрашивал про погоду —
соизмерялся утром — откуда ветер
и куда облака... была бы жива свобода —
было бы ясно — кто будет за всё в ответе...
За всё заплатит. Раньше курили трубки
и папиросы... дешёвые сигареты...
Были длиннее мысли — короче юбки...
и были в почёте писатели и поэты.
Совсем недолго. Раньше женились рано,
чтобы успеть увидеть — до смерти — внуков...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.